

Сергей КУЗИЧКИН

Красноярск

Редактор «Нового Енисейского литератора».

ЗА ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ДО ВОЗВРАЩЕНИЯ

Фантастический рассказ

1.

Лицо мужчины показалось ему знакомым. Пожилой человек, небольшого роста, в лёгкой синей курточке-ветровке и коричневой вельветовой кепке, кивнул приветливо, когда Анатолий обратился к нему. Глаза его при этом оживлённо забегали.

— Пойдёшь до перекрёстка, справа увидишь белый большой магазин — гастроном, пройдёшь за него, на следующей улице повернёшь вправо и напрямик выйдешь к училищу.

Показав рукой, в какую сторону идти, мужчина подмигнул ему.

— Удачи! — пожелал он.

— Спасибо, — ответил Анатолий,

Мужчина не торопился уходить. Не по возрасту молодые глаза его продолжали с любопытством смотреть на Анатолия.

— Спасибо, — ещё раз сказал Анатолий.

Он дошёл до перекрёстка и оглянулся. Пожилой человек продолжал стоять на том же месте и смотрел на него, словно желал убедиться: пойдёт ли Анатолий по указанному им маршруту или поступит как-то иначе? Анатолий перешёл дорогу и вышел к гастроному.

Да, вот он, знакомый перекрёсток. Конечно же, он его не забыл. Сколько здесь им хожено-перехожено!

Если пойти прямо, то выйдешь к районному узлу связи, называемому большинством жителей города телеграфом, а если вправо, то по одну сторону улицы будут стоять двухэтажные каменные, белые дома, а по другую — школа-интернат. Территория интерната огорожена забором-штaketником, постоянно выкрашенным то в белый, то в синий цвет. Каждый год цвета меняются. Да, вот он, забор, на этот раз — синий. А за интернатом — училище, ПТУ, куда он и идёт. Пятиэтажное общежитие из красного кирпича, а за ним — двухэтажный белый учебный

корпус. Училище тоже огорожено забором. Он из металлической сетки, скреплённой внутри железных прямоугольников. Прямоугольники эти были здесь всегда. В отличие от интернатского забора, они подкрашивались только в зелёный цвет. Зелёные сеточные двухметровые пролёты соединялись с помощью бетонных серых столбов с тёмными металлическими пластинами. Интересным было то, что ни столбы, ни места сварочных соединений на них никогда не закрашивали. И в этом была своя особенность: издали зелёный забор, разделяющийся на прямоугольники серыми столбами, смотрелся очень прилично. Хорошо смотрелся и забор школы-интерната. Руководители этих учебных заведений знали, что делали.

Зелёный прямоугольник с двумя серыми столбами был и на входе во двор училища. Справа и слева от него располагались две металлические дверцы, представляющие собой сварку из стальных прутьев и тоже окрашенные в зелёный цвет. Правый вход никогда не закрывался, а вот левый то просто прикрывали, то запирали на замок.

Через правый вход проложили себе короткий путь жители деревянных домов, расположенных за территорией училища. Чтобы не обходить вокруг, они проходили между учебным корпусом и общежитием, мимо мастерских, протоптав тропинку за футбольным полем и сделав себе выход в том месте, где соединялись с обратной стороны заборы училища и школы-интерната.

Правый вход был открыт и теперь. Анатолий прошёл к невысокому крыльцу перед дверью в училище, кивнул курившему у двери человеку — наверное, мастеру или преподавателю. Тот кивнул ему в ответ. Анатолий пошёл вправо и, свернув за угол здания, увидел то, к чему стремился, — бывшую пилораму. Кирпичное и выбеленное строение с деревянными воротами стояло, как и много лет назад, на том же месте. По выцветшей и облетевшей местами краске можно было догадаться, что небольшие ворота когда-то имели красный цвет.

Такими они были и тридцать лет назад, когда он, Анатолий, тогда Толик или Толян, вместе с другими первокурсниками училища пришёл к этому домику с двумя маленькими окнами по самым потолком, который уже тогда, скорее по традиции, чем по назначению, назывался пилорамой.

А вот когда ему было лет пять-шесть и он жил рядом, недалеко от училища, пилорама работала. Домик тогда был свежесвебыбеленным и белым, а ворота ярко-красными. Через дорогу от забора училища стояли в то время несколько

деревянных барачков, и в одном из них была комната его родителей. В широкое окно комнаты через штакетник ограды было видно, как бегала, подталкиваемая учащимися ПТУ, по узкой железной дороге вагонетка: от пилорамы до большой бетонной ямы, куда ссыпались опилки. Время от времени в белом здании с красными воротами включали электропилу, и протяжный её вой был слышен во всех близлежащих домах. Несколько раз Толик с соседскими мальчишками, набравшись смелости, заходили в красные ворота и смотрели, как круглый металлический, с зубцами, диск разрезает доску на штакетник. Пожилой мастер, объясняющий своим ученикам, как работает пила, которую он называл циркулярной, или циркуляркой, ничего не имел против любопытных малышей. Предупредив их, чтобы не подходили близко, он, когда выключал пилу, позволял им собирать опилки и нагружать ими с помощью небольших деревянных лопат вагонетку. Вагонетку выкатывали через вторую дверь с рельсами двое-трое юнцов, постигающих азы столярного дела, а за ними бежали они — пяти-семилетние пацаны.

Пилорама будила его недолго — два лета и одну зиму, а потом они переехали за несколько улиц от училища, в пятиэтажный кирпичный дом, где не было слышно воя циркулярки.

Анатолий оказался здесь снова через несколько лет, когда, окончив восемь классов, вместе с группой одноклассников за компанию пошёл учиться в ПТУ на слесаря-сантехника. К тому времени столярную мастерскую перенесли в новое здание, там же и установили пилораму.

2.

Сентябрь того года выдался очень жарким и солнечным. Он хорошо запомнил число — четырнадцатое. После полудня, перед обедом, они, четверо пэтэушников: два Сергея — Купсольцев и Поздняков, Володька Пантелеев и он, Анатолий, — шли из учебного корпуса к футбольному полю и остановились у заброшенного здания.

— Давайте посмотрим, что там сейчас? — предложил Пантелеев, когда Анатолий рассказал им про пилораму и вагонетку.

Ворота оказались закрытыми изнутри, и они зашли с обратной стороны, откуда раньше выкатывали вагонетку. Там был проём, до половины заваленный битыми кирпичами. В тёмную сырую комнату, куда пробивался свет через верхнее маленькое оконце под потолком (второе было заколочено досками), они пробрались не без труда. Сергей Купсольцев, получивший уже среди

одногоруппников кличку Очкарик, уронил очки и долго искал среди кирпичей, а Володька зацепился брюками за гвоздь, торчащий у входа, но хорошо — не порвал, заметил вовремя и отцепил гачу.

Ни пилорамы, ни вагонетки, конечно же, приятели там не нашли, но зато под старым слесарным столом, стоявшим у стены рядом с обшарпанным стулом, они обнаружили водолазный шлем.

То, что это шлем, и то, что водолазный, они поняли не сразу. Попав из солнечного мира в мир полутьмы, глаза их не сразу распознали стул, стол и небольшой шкаф, а когда различили эти предметы, то на сыром, местами мокрым бетонном полу стали проявляться две линии-выемки — следы от рельсов, куски линолеума, железные ржавые банки и выявился шлем.

Первым заметил его Сергей Поздняков, но принял было, как он сказал, за опрокинутое ведро.

— Да это не ведро, а что-то интересное! — отодвинув Позднякова, ринулся к находке Володька Пантелеев.

Он наклонился, схватил шлем, но тут же вскочил, потирая руки.

— Да он грязный весь и пыльный! Тьфу! — запрыгал он, возле стола.

— Пацаны, а тут халат чей-то висит, рукавицы-верхонки лежат и тряпки какие-то, — сказал Купсольцов, проверивший в это время содержимое шкафа.

— Протри эту штуку тряпкой и вытаскивай на стол, посмотрим, что это такое, — сказал Анатолий Пантелееву.

— Сам протирай, а я уже вяпался в грязь! — замахал руками тот.

Тряпки оказались спецодеждой, какую выдают учащимся ПТУ на практические занятия.

Анатолий новым ещё на вид халатом обтёр сверху находку, не сразу, с трудом, поднял и поставил на стол.

— Ни фиги себе, тяжёлый! — сказал он, кряхтя. — Килограммов на двадцать потянет, наверное.

Вот тогда они и разглядели, что это шлем от водолазного костюма. Овальный верх из красной меди, стёкла, с четырёх сторон прикрученные болтами. Стёкла, покрытые слоем пыли, Анатолий попытался протереть, но лишь на одном из них появился небольшой проблеск.

— Ух ты! — воскликнул Купсольцев, снимая очки. — Помните, как в фильме «Без страха и упрёка» герой Крамарова продавал такой? «Налетай! Покупай!» — кричал. А потом малышне примерять давал за конфеты и печенюшки.

Анатолий вспомнил этот фильм. Там один геолог потерял пачку с деньгами, а её нашли подростки и долго искали владельца. Савелий Крамаров играл там Савву, который предлагал малышам примерить водолазный шлем в обмен на сладости.

— Вот бы его надеть, представить себя водолазом, акванавтом каким-то или космонавтом! — продолжал восторгаться Очкарик-Купсольцев, сияясь поднять находку.

— Если ты его наденешь на голову, он тебе на плечи упадёт и от тяжести кости переломает, а голову если не расплющит, то втянет по уши в плечи, — ухмыльнулся Володька Пантелеев.

— Да, конечно же, ни я, никто из нас его на плечах не удержим, — с обидой в голосе сказал Купсольцев. — Он же к специальному костюму прикреплялся, завинчивался. Тут вот и ещё отверстия для болтов есть. Нужно, чтобы двое держали, а один примерял.

— Я не буду ни примерять его, ни держать, — Пантелеев демонстративно отошёл к шкафу.

— Давай, Серёга, с тобой подержим, — предложил Анатолий Позднякову, стоявшему посреди комнаты и не решающемуся подойти к столу. — Пусть Купсолец туда голову сунет.

Высокий, немного грузноватый Поздняков сделал несколько шагов вперёд, поднял со стола шлем.

— Да я его один удержу.

Он поднял его над своей головой, заглянул вовнутрь.

— Ничего там не видно, — сказал он. — Темно. Моя голова, может, и войдёт в этот шлем, но я её точно туда не суну. А перед тем как кому-то влезать в шлем, хорошо бы изнутри его помыть или протереть хотя бы. Давай, Толян, подхвати с другой стороны, а ты, Купсолец, тряпкой там изнутри пошуруди.

Анатолий подхватил шлем, и они с Поздняковым держали его некоторое время вдвоём на вытянутых руках. Теперь он не казался таким тяжёлым.

Купсольцев юркнул между ними, просунул в шлем руку с тряпкой и потёр изнутри.

Стёкла от пыли отереть совсем ему не удалось, но одно окошечко стало побольше.

— Ну что, вы держите? — поинтересовался Купсольцев. — Я сейчас попробую примерить, а вы тихонько опускайте шлем мне на плечи, но не совсем, держите на вытянутых руках.

— Ты, Толян, только поддерживай со своей стороны, а я, чуть что, всю основную тяжесть на себя возьму, — предложил Поздняков, уцепившись снизу за середину шлема, едва не прижимая его к своей груди.

Между Анатолием и Поздняковым расстояние сократилось до одного метра.

— Ну, давай! Ныряй уже! — прикрикнул Поздняков на Купсольцева. — Мы не атланты — держать его весь день!

Купсольцев снял очки, протиснулся между ними и протолкнул голову в шлем.

— О! Здорово! — послышался приглушённый его возглас, когда Анатолий и Поздняков приопустили шлем ему на плечи. — Вот бы надеть целиком скафандр водолазный и спуститься на дно океана!

— Если сильно захочешь, наденешь и спустишься, если к этому стремиться будешь, а пока на сантехника учись! — засмеялся стоявший в стороне Пантелеев. — А сейчас выныривай, Толик уже устал держать, и Серёга тебе не Илья Муромец.

Когда восторженный Купсольцев нехотя вылез из-под шлема, Анатолий с Поздняковым поставили его на стол.

— Неужели такой тяжёлый? — спросил Пантелеев, подойдя к шлему.

Он, склонившись, осмотрел шлем со всех сторон, а потом вдруг с кажущейся со стороны лёгкостью поднял над головой.

— Да не такой и тяжёлый, — сказал он, заглядывая вовнутрь шлема. — Я мог бы один его себе на голову надеть, а потом снять. Но не буду, я ни водолазом, ни космонавтом быть не собираюсь.

— Сантехником всю жизнь будешь? — спросил его Поздняков.

— А хоть бы и сантехником, — Пантелеев опустил шлем снова на стол. — Мой дядька всю жизнь сантехником на стройке работает. Батареи отопления, ванны, умывальники ставит. Вот недавно машину купил.

— Ну и ладно, и хорошо, — кивнул Поздняков. — Я тоже до армии сантехником поработаю, а отслужу — видно будет, куда податься. Что со шлемом делать-то будем? Надо его пока спрятать здесь, в шкафу, тряпками прикрыть.

— Его уже кто-то здесь спрятал, — сказал Пантелеев. — И давненько уже, раз пылью покрылся. А что с ним сделать? Продать кому? Так никто его не купит. Кому он нужен? На киностудии, может быть, заинтересовались бы, но у нас киностудий в городе нет. В Москву же не повезём? Я могу спросить на «Вторчермете», недалеко там живу: может, на металлолом примут. Денежки потом разделим. Дядьку твоего, Поздняк, попросим, чтобы увёз на своей машине на «Вторчермет».

— Жалко на металлолом такую находку сдавать, — сказал Анатолий, подойдя к шлему, и тоже приподнял его.

Шлем теперь был почему-то совсем не тяжёлым. Анатолий поднял его вверх и медленно опустил его себе на голову.

— Толян, давай поддержку! — услышал он окрик Позднякова, когда шлем лёг ему на плечи.

— Не надо, я — сам! — сказал он изменившимся голосом, не понимая, слышит ли его Поздняков.

Внутри шлема было как в каком-то фантастическом мире. Через протёртое наспех стекло не было видно ничего и никого. Было темно, но спокойно и даже уютно, и Анатолию подумалось: как хорошо, что они зашли в это здание бывшей пилорамы, и нашли этот шлем, и вот примеряют его. Он подумал о том, что сегодняшний осенний день, четырнадцатое сентября, ему запомнится на всю его жизнь, и сколько будет жить, будет помнить и эту пилораму, и этот шлем, и Купсольцева, и Пантелеева, и Позднякова, и всех, с кем он учится в ПТУ. Ему показалось, что то, что произошло сегодня, уже происходило со всеми ими давным-давно, и он уже заходил однажды в заброшенную пилораму вместе с Купсольцевым, Поздняковыми и Пантелеевым, и они вот так же тогда примеряли шлем, а потом спрятали его в шкафу, накрыв тряпками.

— Ну как, понравилось тебе? — спросил его Купсольцев, когда Анатолий снял шлем и поставил на стол.

Он не сразу ответил на вопрос приятеля, думая о том, что почему-то не чувствовал тяжести шлема. Легко надел его, легко держал в руках, легко снял.

— Да, замечательно... Как будто в другом мире побывал...

— А желание успел загадать? — допытывался Купсольцев. — Я загадал.

— А я как-то не подумал об этом...

— Ну что-то же ты подумал? — не унимался Очкарик.

— Да ни о чём не думал, просто чувствовал себя там необычно, и вот сейчас чувство такое, как будто долго где-то был и теперь снова вернулся и вас увидел.

— А у меня чувство, будто я опускался в Марианскую впадину в Тихом океане и только что вернулся со дна океана! — восторженно и мечтательно сказал Купсольцев.

Они тогда убрали шлем в шкаф, прикрыв его тряпками, и договорились не рассказывать о находке никому ни в училище, ни дома. Однако в тот же день, перед концом занятий, Володька Пантелеев отозвал его и Позднякова в сторонку и сообщил им, что шлем исчез.

— Я зашёл ещё раз проверить, а его нет в шкафу, — объяснял Володька. — Хотел завтра же поговорить на «Вторчермете». Может, кто-то выследил нас, видел, как мы шлем нашли?

— Да кто выследил? Никого же, кроме нас четверых, там не было. Если кто-то околачивался там рядом, мы бы заметили, когда выходили, — пожал плечами Поздняков. — Купсонец вот ушёл после обеда домой, у мастера отпросился, мать, говорит, заболела. Но Очкарик шлем даже с пилорамы бы не вынес. Силёнок бы не хватило. И как бы он его повёз, если бы даже вынес? На автобусе? До остановки он точно бы один его не допёр...

— А если ему кто-то помог? — задал вопрос себе и товарищам Анатолий.

Они решили поехать домой к Купсольцеву. Поздняков знал, что он живёт в районе пятиэтажных домов по улице Локомотивной.

После недолгих расспросов у прохожих они нашли пятиэтажку и узнали номер квартиры, в которой жил их одnogруппник.

Очкарика они встретили у подъезда, он возвращался домой из аптеки. Мать его действительно была больна, и он ходил за лекарствами для неё.

— Вы что так обо мне плохо подумали-то? — возмутился, узнав, в чём дело, Сергей Купсольцев. — У меня была мысль попросить у вас шлем и привезти его к себе домой, но я хотел спросить об этом у вас завтра, не сегодня. И как бы я его увёз, если бы даже захотел? У меня дядьки с машиной нет. Если только на велосипеде, к багажнику шлем прикрутить... Ну так всё равно сегодня за это время не успел бы... Я только час назад как домой вернулся. Мамаша сейчас дома с температурой лежит. Врач был, послал меня за таблетками и микстурой...

Все вместе они пришли тогда к мысли: кто-то всё-таки видел, как они были на пилораме, зашёл туда после того, как они ушли, нашёл шлем, забрал и ушёл. Была ещё мысль, что за шлемом приходил хозяин, тот человек, который оставил его в бывшей пилораме. Но её отогнали: маловероятно, что он явился именно в тот день, когда они случайно заглянули в этот домик и нашли шлем.

Событие это всё же отложило отпечаток на взаимоотношения четвёрки одnogруппников. Анатолий некоторое время смотрел с недоверием на Пантелеева, Поздняков, как ему казалось, стал настороженно относиться к Володьке, искоса поглядывал он и на Очкарика.

Но зимой история с пропавшим шлемом стала забываться. Почти вся группа первокурсников-сантехников увлеклась

хоккеем. Расчистили на футбольном поле площадку, сделали снежные бортики, соорудили ворота. Лёд не заливали, а бегали с обеда до начала второй части занятий в валенках и с клюшками по площадке. По утрам приходили пораньше и вычищали напáдавший в коробку снег. А потом началась практика, за ней — летние каникулы и переход на второй курс.

Время полетело. По завершении учёбы в ПТУ они некоторое время поработали на производстве. Кто-то попал в бригаду монтажников, кто — в систему ЖКО. Потом почти все ушли служить в армию. А после судьба их разбросала.

Володька Пантелеев, как и сказал тогда, остался верен выбранной профессии и после того, как отслужил в армии. Работал вместе с дядькой на монтаже новых домов, женился, получил благоустроенную квартиру и тоже купил себе автомобиль. Серёга Поздняков после армии, вернувшись в родной город, пошёл в локомотивное депо. Работал помощником машиниста на электровозе, потом — машинистом, учился заочно и лет через десять стал машинистом-инструктором. Сергей Купсольцев, как узнал позже Анатолий, в армии не служил, работал в ЖКО, а после смерти матери уехал во Владивосток и там выучился на водолаза, заочно закончил институт, работал на научно-исследовательском судне. Марианскую впадину он не исследовал, но глубины у Сахалина и Курильских островов изучил хорошо. Приходилось ему работать и в Атлантике, у берегов Кубы.

О нём и о других одноклассниках Анатолий узнал от самого Сергея Купсольцева, когда встретился с ним во Владивостоке.

3.

Жизнь Анатолия тоже сделала крутые виражи. Отца он потерял ещё до поступления в ПТУ. Мать после смерти мужа стала рассеянной, часто болела. Бывало, не спала по несколько суток, ходила из кухни в комнату и обратно и звала по именам то мужа, то сына. Умерла она внезапно, за два месяца до того, как Анатолий закончил учёбу в училище. В выходной день сделала уборку в квартире, прилегла на диван и не встала. Толик не беспокоил её, думая, что мать спит, и только утром, когда не смог её разбудить, позвал соседей, те вызвали скорую. Врач сказал, что она умерла ещё вечером. После похорон матери Анатолий несколько раз ночевал у друзей и знакомых. Он не мог находиться один в квартире, тем более спать там. Ему всё время казалось: то по комнате, то по кухне ходит мать и зовёт «Дима, Дима, Толя, Толя...»

Из родных у Анатолия оставалась только тётка — сестра матери. Жила она с семьёй в Новосибирске. Ей Анатолий и доверил заботу о квартире, когда, окончив училище, уехал по направлению с группой выпускников на стройку в Томскую область. Работали они в небольшом посёлке — строили новый комбинат. Развлечений вечерами было немного: библиотека, танцы и телевизор. Анатолий увлёкся чтением. За зиму прочёл несколько серьёзных книг и неожиданно для себя сочинил рассказ про строителей. Рассказ он отвёз в редакцию районной газеты, где редактор, по имени Пётр Васильевич, прочитав его творение, пообещал напечатать его с условием: Анатолий будет ещё писать заметки о ходе строительства и, как он сказал, «воспевать романтику будней и рассказывать о героях труда». Анатолий обещал попробовать и в течение двух следующих месяцев написал семь заметок и один большой материал о бригадире монтажников. Всё это было опубликовано в местной газете, а летом Васильич предложил ему поработать в газете и добился перевода его в редакцию, сделав штатным сотрудником. На этом редактор не остановился: написал Анатолию рекомендацию для поступления на факультет журналистики и чуть ли не силой отправил в Новосибирск. Толик журналистом быть не мечтал, но идею редактора поддержала тётка, к тому времени обменявшая оставленную Толиком двухкомнатную квартиру на однокомнатную в пригороде Новосибирска. И он поехал в самый крупный город Сибири, не особо веря в успех, но неожиданно для себя поступил и стал студентом.

Когда учился, писал в университетскую и городскую газеты. Несколько его материалов за это время были опубликованы в московских изданиях. Хорошие письма с предложением сотрудничества он получил из «Труда» и «Комсомольской правды», а когда закончил учёбу, то на один год стал военным корреспондентом, стажирясь не где-нибудь, а в главной военной газете страны «Красная звезда». С «Красной звездой» связал он свою творческую жизнь почти на десять лет. Был в командировках в Афганистане, в Группе советских войск в Германии, на Балтийском и Северном флотах. От редакции газеты получил он и однокомнатную квартиру в Москве, в районе Лосиног острова. Когда же в стране начались перемены, газеты стали менять профориентации и сокращать сотрудников, он перешёл в издательский дом «Комсомольской правды», с которой не порывал сотрудничества и которая, благодаря инициативным, предприимчивым сотрудникам её, сохранила многие свои направления. Он стал специальным корреспондентом «Комсомолки». Не потеряв интереса к жизни и

всему новому, он несколько раз побывал в исследовательских экспедициях. В одной из командировок на Дальний Восток Анатолий Дмитриевич и встретил старшего научного сотрудника научно-исследовательского судна Сергея Александровича Купсольцева.

Он узнал Купсольцева сразу, и не только по очкам. Людей, носивших очки и встречавших его в институте, было немало, но Купсольцев выделялся и живостью поведения, и манерой быстро, не задумываясь, ответить на замечание или вопрос, что запомнилось Анатолию со времени учёбы в ПТУ, и он, увидев его среди других сотрудников, сразу вспомнил того суетливого и многословного Купсольца-Очкарика.

— А я давно читаю твои материалы в газетах и всё время думаю: ты это или не ты? Вроде бы у тебя способностей к словотворчеству я тогда не замечал... — говорил, как всегда, восторженно Сергей, пожимая руку Анатолия.

— Да вот как-то вырвались сами собой и понеслись... — отшутился Анатолий. — Я тоже рад тебя видеть.

За три дня пребывания Анатолия в институте и на исследовательском судне Сергей Купсольцев познакомил его с профессорами, капитанами и водолазами, провёл экскурсию по институту и судну, организовал погружение на батискафе.

Шкала впечатлений у корреспондента «Комсомолки» выбивалась из нормы, впечатления подкреплялись информацией, записанными в блокнот и на магнитофонную плёнку.

— Подумать только: столько лет прошло, а я всё помню, как мы этот шлем тогда нашли, — говорил Сергей Александрович Анатолию Дмитриевичу, когда они сидели в кафе перед отъездом Анатолия в Москву. — У меня всё тогда с этой находки и началось. Поставил себе цель и шёл к ней.

— Ты молодец, Серёга! Многого добился! — похвалил друга молодости Анатолий. — В городишке-то нашем бываешь? А я как уехал оттуда двадцать восемь лет назад, так и ни разу не был...

— Бывал несколько раз. У меня ведь там родственники по матери остались. Двоюродные братья и сёстры. Да и приглашали меня в школе, где учился, выступить, и в ПТУ нашем встречу с учащимися проводил как-то...

— Мне тоже несколько раз письма из школы приходили, приглашали на встречу, но всё никак не получалось... Я вот думаю: может, сейчас заехать, побродить по городу часа два-три? Давно мечтал проехать на поезде от Владивостока до Москвы. Сделаю остановку по заданию редакции в Иркутске на пару дней, а потом махну, наверное, в наш городок.

Так он и сделал.

Остановился в Иркутске, побывал на Байкале, во время встреч и разговоров исписал половину нового блокнота и несколько метров магнитофонной ленты. Он был доволен поездками. Всё складывалось удачно, и он взял билет на вечерний поезд до родного городка. Утром, подъезжая к городу своего детства и юности, Анатолий вдруг сопоставил эту поездку с числом и месяцем года. Начинался день четырнадцатого сентября. День обещал быть солнечным и по-летнему жарким. Таким же, как и тридцать лет назад. Совпадение или нет? А что это, если не совпадение? Он ехал сюда, не подгадывая под дату, но оказался почему-то здесь именно четырнадцатого сентября.

Поезд прибыл на вокзал около одиннадцати часов, он вышел из вагона и узнавал и не узнавал свой городок.

Город сильно изменился. Здание вокзала хоть и находилось на том же месте, но имело другой вид: было надстроено и выкрашено в светло-зелёный цвет. Раньше, насколько он помнил, оно было белым. Первая от вокзала улица казалась вовсе незнакомой. Когда-то она называлась Транспортной. Все приезжающие в город на поездах шли от вокзала к автобусной остановке. Он на остановке не задержался, а пошёл вправо, как полагая, правильно. Бывшие двух и одноэтажные дома, были заменены теперь на целый ряд пятиэтажек. Из знакомых ему зданий на улице осталась только трёхэтажная школа и каменный мост через ручей.

Анатолий дошёл до перекрёстка, помня, что ему нужно идти влево. Он оглянулся на ходу, посмотрел вправо и чуть было не столкнулся на тротуаре с мужчиной небольшого роста, в синей курточке-ветровке и коричневой фуражке.

Извинившись, Анатолий, спросил его, как пройти к профтехучилищу.

Мужчина улыбнулся, приветливо кивнул ему и показал в ту же сторону, куда Анатолий и собирался идти. Лицо этого пожилого человека с молодыми бегающими глазами показалось Анатолию знакомым. Видимо, и мужчина принял Анатолия за кого-то, кого видел раньше. Он стоял на перекрёстке и смотрел ему вслед, пока Анатолий не свернул за поворот.

4.

Анатолий нерешительно, оглядываясь, не видит ли кто его, подошёл к выцветшим воротам бывшей пилорамы. Ну конечно же, они были закрыты изнутри, как и много лет назад. Он обошёл здание, вышел к футбольному полю. Правые футбольные

ворота, как и раньше, были вкопаны в землю, тёмно-зелёная краска на них потемнела, высокая, ещё светло-зелёная трава пригибалась к земле по всему полю. «Видимо, здесь давно не ступала нога человека, — подумал Анатолий. — Нет, видимо, теперь таких энтузиастов, какими были мы в наше время. Наше время? А сейчас чьё время? Разве ещё не наше? Редактор на планёрках всегда говорит: друзья, сейчас наше время, мы можем многое сделать. Конечно наше. Мне сорок пять только через две недели исполнится. Ещё действительно многое смогу сделать. Книгу, например, написать... Да, сейчас моё время... Но и тогда, тридцать лет назад, тоже было моё, наше время!»

Проём в задней стене бывшей пилорамы, как и тогда, был до половины завален кирпичами.

«Забраться туда, что ли?» — спросил он сам себя и ещё раз осмотрелся. Ни на футбольном поле, ни на территории училища с той стороны, откуда он зашёл, никого не было видно.

Часы показывали двенадцать двадцать.

«Примерно в такое же время мы тогда, тридцать лет назад, с Купсольцевым, Пантелеевым и Поздняковым забрались на пилораму. Ещё одно совпадение? По числу, по погоде, по времени. Не слишком ли много?»

Он почувствовал, что сбилось дыхание и тревожное чувство подступило к сердцу.

Может, развернуться и уйти отсюда? Побродить по городу, до поезда ещё два часа, сходить к дому, где жил в последнее время... Но нет, глупо будет, если он уйдёт... Специально сделал остановку, вышел из поезда... Хотя из поезда вышел, чтобы именно побродить по городу, пройти мимо ПТУ, забираться на пилораму он и не планировал. Её за это время могли разобрать и вывезти отсюда по кирпичикам... Но не разобрали же...

Анатолий ещё раз осмотрелся и осторожно ступил на битые кирпичи.

Забравшись по ним, он вспомнил, что где-то вот здесь Купсольцев уронил тогда очки, а возле косяка, справа, Пантелеев зацепился брюками за гвоздь.

Благополучно забравшись, он осмотрелся и так же, без труда, спустился в проём. Из темноты пахнуло сыростью. Через потемневшее, давно не мытое стекло, справа, под самым потолком, пробивался тусклый свет, свет бил с улицы и через щели забитого досками второго окна слева.

Под правым окном Анатолий различил очертания слесарного стола, стула возле него и стоящего чуть в стороне шкафа. На

сыром бетонном полу блестели маленькие лужицы и торчали куски линолеума, некогда покрывавшего пол пилорамы, были видны и следы от рельсов, по которым когда-то катали вагонетку.

Анатолий шагнул к шкафу, открыл дверцу и вспомнил, что у него есть маленький фонарик. В чудо-нож, что подарил ему Сергей Купсольцев несколько дней назад, входил целый комплект: большое и маленькое лезвия, вилка, ложка, отвёртка и фонарик. Анатолий расстегнул кармашек сумки, что висела у него на плече, и нащупал нож. Ага, вот кругленький, это фонарик. Как объяснял Сергей, нужно чуть повернуть колёсико вправо. Вот и свет!

Тонкий луч хотя и не охватывал большое пространство, но был ярким, и Анатолий смог разглядеть висящий на гвоздике рабочий халат и лежащие внизу рабочие брюки и верхонки.

Всё как тогда...

Сердце забило сильнее, когда он подумал: «Сейчас гляну под стол, а там шлем! Да ну! Какой там шлем? Я же, когда спустился сюда, никакого шлема не заметил. Стол вот стоит, стул, шкаф... Хотя я не присматривался, что там под столом...»

Анатолий сделал шаг назад, а потом влево, отодвинул стул и осветил фонариком.

Шлем был под столом!

Сердце, казалось, оторвалось и упало вниз, в голове закружились и помутнели мысли. Анатолий почувствовал слабость в ногах. Он схватился обеими руками за стол. Что-то упало ему под ноги.

«Ножик...» — догадался он.

5.

Это не было похожим на реальность. Это не могло быть правдой...

Это был сон, в котором он жил как наяву и который не кончался.

«Мне уже как-то снилось, что я хожу по тёмной комнате, открываю шкаф, отодвигаю стул, достаю шлем... Да, это же сон! Сон, как и тогда! Я ехал в поезде и видел ночью подробный сон. Он тоже был как наяву, и я, проснувшись, долго не мог прийти в себя... Это сон, он повторяется, а я скоро проснусь. Проснусь в поезде. Да, я в поезде, я еду с Дальнего Востока в Москву! Я проснусь в поезде или дома, в своей квартире... Я уже, наверное, приехал в Москву...»

Анатолий закрыл глаза, потёр виски, не отрывая рук от лица, глубоко вдохнул, набрав воздуха через нос, задержал дыхание и выдохнул ртом сырую несвежесть тёмного помещения.

Он открыл глаза. Под ногами лежал и светил в сторону шлема его нож-фонарик. Всё-таки это был не сон, и он не проснулся. Подняв фонарик, Анатолий взял из шкафа верхонку и, нагнувшись, протёр шлем. Шлем был таким же тяжёлым, как и тридцать лет назад. Анатолий вытянул его из-под стола, поднял и опустил на стол. Затем он снял в шкафу с гвоздя халат и полой его протёр шлем ещё раз сверху и по стёклам. Красноватая медь чуть блеснула на тусклом свету, стёкла оттереть не получилось. Анатолий повернул шлем набок и просунул халат-тряпку вовнутрь. Протёр сначала верхнюю часть шлема, потом стал тереть стёкла. Одно из них поддалось, и на нём появился небольшой просвет в форме неровного круга. Анатолий поставил шлем на стол, потом осторожно взялся за края и приподнял сначала на уровень груди, потом вверх.

Теперь он не казался таким тяжёлым.

«Стряхнул с него пыль веков, и он полегчал...» — улыбнулся Анатолий.

Подняв шлем над собой, он глянул вовнутрь. Чуть видимый свет пробивался в шлем через протёртое стекло.

Попробовать надеть?

Происходящее с ним сегодня неожиданно обрело ощущение реального и закономерного. Он вдруг понял, что всё должно было быть именно так и совпадения не случайны. Что-то должно произойти, о чём он не знает и не догадывается. Что-то такое...

Но...

Стоп!

А вдруг это подстроено? Вдруг это розыгрыш Серёги Купсолнцева? Он и раньше любил шутки. Вспомнилось, как он говорил всем, что их преподаватель физкультуры — заслуженный мастер спорта по боксу, обладатель коронного удара правой прямой и мастер обманных движений, но из-за скромности никому об этом не говорит. И все они, первокурсники, целый год с благоговением смотрели на физрука. А потом выяснилось, что Василий Фёдорович в юности занимался настольным теннисом, получил разряд и после службы в армии окончил физкультурный техникум. А к боксу он не имел никакого отношения. Ни к удару правой прямой, ни к обманным движениям при поединке. Рассказывал Купsoleц небылицы и про мастера Макара Максимовича, у которого не было двух пальцев на правой руке. Говорил, что Максимыч служил полярным лётчиком, потерпел катастрофу и много дней скитался по тундре, холодный и голодный, и, чтобы не умереть совсем с голоду, отрубил себе два пальца и сварил с картошкой в котелке. В эту историю, правда, никто не

поверил, тем более что все знали от преподавателя по технике безопасности, что Макару Максимовичу отдавило пальцы в молодые годы при погрузке радиаторов, когда он по неосторожности уронил шестисекционную батарею. Подобных небылиц Серёга Купсольцев рассказывал множество, в том числе и про одноклассников, за что не один раз был бит пэтэушниками.

Вот и сейчас не исключено, что задумал он и эту шутку. Узнал при встрече о том, что Анатолий по пути собирается заехать в родной город, опередил его, принёс сюда шлем...

«Я сейчас надену его, а он выйдет и засмеётся. А может, ещё и Володька Пантелеев с ним будет. Да и Серёгу Позднякова могут привести...»

Анатолий осмотрелся, прислушался. Никаких признаков присутствия кого-то либо ещё здесь, на заброшенной пилораме. Ни шороха, ни скрипа. Он опустил шлем на уровень головы и снова заглянул вовнутрь. Ему показалось, что между стёклами, от одного к другому, пробежала искра. Осторожно положив шлем на стол, Анатолий, взяв из шкафа верхонку, протёр стекло ещё раз. Внутри шлема снова блеснул огонёк, но не красный или оранжевый, а синеватый. Анатолий потёр по стеклу ещё — огонёк стал ярче. Он наклонился и присмотрелся. Огонёк разгорелся и наполнил собою всё пространство круглого стекла. Синева разошлась, и Анатолий увидел в стекле своё отражение. Да, это был он, а рядом стоял Купсольцев, справа от него Поздняков, чуть дальше Пантелеев.

Анатолий вздрогнул и оглянулся. В полутёмном помещении никого не было. Ни Купсольцев, ни Пантелеев, ни Поздняков, даже если и были рядом, не думали пока выходить из своих укрытий.

Что это такое? Что это за телевизор внутри шлема? На небольшом круглом экране, размером не более десяти сантиметров, отчётливо были видны он и Поздняков, державшие шлем, и Купсольцев, нырнувший между ними и просунувший голову вовнутрь.

А вот уже он держит шлем над собой и медленно надевает его себе на голову.

«Хорошо бы нам, друзья, встретиться в училище лет через пятьдесят, посмотреть, кем мы стали», — говорит Купсольцев.

«Через пятьдесят лет и училища не будет, — смеётся Пантелеев. — Через пятьдесят лет сантехники не нужны будут, а нам уже знаешь по сколько лет исполнится? Пенсионеры все будем. Ещё бы сказал: через шестьдесят!»

«Лучше через шестьдесят», — говорит Анатолий, надевая шлем.

Шлем снова лежит на столе, а они все смеются.

«Если нам сейчас кому по пятнадцать, а кому по шестнадцать лет, то через шестьдесят будет по семьдесят пять — семьдесят шесть, — рассуждает Поздняков. — Не все до такого возраста доживают, но есть крепкие люди. Моему деду, например, уже семьдесят семь лет. Он при царе родился, революцию помнит, в Гражданскую воевал, а выглядит хорошо. Ещё на рыбалку ездит с отцом, один ходит по городу и пешком только. Автобусы не признаёт...»

«Ну, давайте равняться на твоего деда. Не будем водку пить и курить и встретимся все здоровенькими через шестьдесят лет, — соглашается Пантелеев. — Купсолец, запиши себе дату: четырнадцатое сентября, через шестьдесят лет. Ты самый умный из нас!»

А это что?

Он чётко слышал голоса — и свой, и Купсольцева, и Пантелеева, и Позднякова. Звуковое сопровождение? Сначала были картинки без звука, а сейчас...

Анатолий отскочил от стола.

— Серёга, хватит дурака валять! — закричал он. — Я знаю, что это твои выдумки! Больше никому... Выходи давай, вместе посмеёмся!

Он подбежал к выходу, быстро забрался на битые кирпичи. Далеко за футбольным полем по тропинке какой-то мужик шёл к пробитой в заборе дыре между ПТУ и школой-интернатом. Минута — и он скрылся за забором. Больше никого не было.

Анатолий подумал, что сходит с ума. Видимо, он переутомился в пути. Столько событий произошло с ним за короткое время... Зачем Купсольцеву разыгрывать его? Для чего специально всё это подстраивать? Зачем? И куда бы он мог спрятаться, чтобы следить за ним? Помещение небольшое, и, кроме как в шкаф, никуда не залезешь...

Надо срочно уходить отсюда! Но что это всё же было такое? Произошедшее с ним на пилораме не укладывалось в сознании. Неужели он видел в стекле шлема и себя, и товарищей по училищу? Событие, прошедшее тридцать лет назад, когда они забрались сюда, на эту пилораму, и нашли шлем, было продемонстрировано ему отчётливо, с подробностями, которые он уже и забыл. Он не помнил о том, что они договаривались встретиться в родном городе через шестьдесят лет, что говорили об этом именно на пилораме и только там, потом (он помнил точно) никакого разговора о предстоящих встречах не было, и даже когда заканчивали училище, об этом не говорили.

«Уйти или вернуться? Надо вернуться. Чего я испугался? Буйно разыгравшейся фантазии на почве переутомления?»

Конечно же, он переутомился, плохо спал в поезде, да ещё воспоминания обострились, вот и померещилось. Надо сейчас успокоиться, вернуться и убедиться, что никакого шлема там и в помине нет.

Анатолий уверенно спустился в здание бывшей пилорамы. Луч от фонарика, что он оставил на столе, светил на шлем. Анатолий уже уверенно и спокойно взял нож-фонарик, повернул колёсико и, когда фонарик погас, убрал нож в сумку.

«Теперь нужно положить шлем под стол и уйти», — подумал он и решительно взялся обеими руками за шлем. Правая рука его коснулась рукавицы-верхонки, лежавшей на столе.

Искушение...

Анатолий то ли подумал, то ли хотел подумать об искушении и понял, что перед искушением протереть стекло шлема верхонкой ещё раз он не устоит.

«Потру, чтобы убедиться, что ничего не будет». Он попробовал улыбнуться и потёр верхонкой о стекло шлема.

«Ну вот, ничего и нет... Сейчас поставлю его под стол и пойду».

Эта мысль ещё не успела оформиться и улететь из его головы, как внутри шлема раздался треск, и на стекле мелькнула синяя полоска.

«Ну ладно, давай опять кино!» — согласился Анатолий, отступил на шаг от стола, сложил руки на груди и приготовился к просмотру.

И кино началось.

По улице мчался автомобиль. Иномарка тёмно-вишнёвого цвета. За рулём сидел человек с маленькой аккуратной седой бородкой. Глаза его скрывали солнцезащитные очки.

«Это что-то новое...» — продумал Анатолий.

Автомобиль повернул влево и остановился на перекрёстке. Дверца открылась, к машине подошёл пожилой человек небольшого роста, в лёгкой синей курточке-ветровке и коричневой вельветовой кепке.

«Да это же!..»

Анатолий узнал в нём того самого пожилого мужчину, что встретился ему сегодня на перекрёстке и указал путь к ПТУ. И сейчас, на экране, он показывает водителю иномарки, куда ехать.

Водитель благодарно кивнул, закрыл дверцу, и иномарка сначала поехала прямо, а потом свернула вправо. Гастроном! Поворот

за ним влево, потом вправо. Слева мелькнул синий забор школы-интерната, потом зелёный забор ПТУ, пятиэтажка-общежитие.

«Он что, едет сюда? К пилораме?»

Автомобиль сделал ещё поворот и въехал в постоянно открытые ворота у бывшей пилорамы. Вот он остановился у калитки, ведущей к футбольному полю. Солидный мужчина в костюме, в белой рубашке и в галстучке шустро выскочил из авто и быстро зашагал по краю стадиона к битым кирпичам у пилорамы. На секунду-две он остановился, снял очки и посмотрел на наручные часы. Когда он поднял голову, у Анатолия перехватило дыхание. Лицо человека ему было знакомо. Он видел его не один раз. Видел! Видел точно! Но где? Кто же этот такой знакомый ему человек? Он точно видел его много лет назад. Только у него тогда не было этих морщинок у глаз, не было бороды...

Пожилой мужчина сложил очки и убрал их в нагрудный карман пиджака, а затем не по возрасту легко взобрался на груды кирпичей. На секунду он остановился, посмотрел под ноги, потом на косяк от двери справа, улыбнулся и быстро вбежал в помещение.

Картинка на небольшом круглом экране произвела такое впечатление на Анатолия, что он невольно оглянулся на проём: не забежал ли мужчина сейчас сюда?

Но нет, никого, кроме него, в бывшей пилораме нет, и Анатолий снова перевёл взгляд на стекло шлема, где мужчина уже достал из-под стола шлем. Он повертел его в руках, заглянул вовнутрь и надел на голову.

На мгновение изображение со стекла-экрана пропало, но почти тут же вспыхнуло, и комната наполнилась голосами и смехом.

Он снова увидел себя того, тридцатилетней давности, пэ-тэушника-первокурсника, со шлемом в руках. Послышатся смех Володьки Пантелеева, потом голос Сергея Позднякова. На экране мелькнуло лицо другого Сергея — Купсольцева.

«Давайте спрячем этот шлем. А я завтра принесу фотоаппарат, мы сфотографируемся с ним, и я отправлю фотографии на киностудии в Иркутск, в Красноярск, в Москву, на студию документальных фильмов. Напишу им о нашей находке. Может, кто-то заинтересуется, приедет. И про нас снимут кино!» — восторженно и возбуждённо говорит Купсольцев.

«Да кому он нужен, такой шлем? Что в нём ценного? — отзывается на это Пантелеев. — Нашли бы его в развалинах каких-нибудь графских, тогда, может, и заинтересовались бы, наверное, а так... Кто-то спрятал его и забыл тут. Лучше его на

металлолом сдать. Я сегодня зайду на „Вторчермет“, поговорю. Если примут, денежки получим, разделим».

«Не надо на металлолом. Может, действительно с киностудии приедут? — вступает в разговор Поздняков. — Давай, Купсолец, принеси фотоаппарат. Пофотографируемся».

«А куда шлем сегодня спрячем? — задаёт всем вопрос Анатолий. — В шкаф этот, что ли?»

«А куда ещё? — разводит руками Пантелеев. — Не с собой же на обед понесём?»

Экран снова помутнел, но тут же вспыхнул.

Анатолий не сразу понял, что изменилось на следующей картинке. Снова шёл по дороге автомобиль. На этот раз такси. Такси идёт по знакомой улице, делает поворот, останавливается, и из него выходит человек. Широко открыв дверцу, он наклоняется и что-то тянет из машины. И только сейчас Анатолий понимает, что нет цвета, изображение на стекле чёрно-белое.

«Может, заехать на территорию? Всё ближе вам его тащить будет!» — спрашивает водитель такси.

«Спасибо, не нужно. Я сам его доведу», — отвечает человек и с ещё бóльшим усилием тянет что-то на себя.

«Давай выходи уже, не успеем!» — не говорит, а кричит он.

И Анатолий различает, что человек тянет из машины не что-то, а кого-то. Вот показывается седая обросшая голова. Лицо, густо заросшее волосами, большая, почти до груди, борода. Первым выбравшийся из автомобиля человек хватается за шиворот второго и с силой тянет. Второй буквально вываливается из машины и чуть не падает. Первый подхватывает его.

«Давай!» — машет он таксисту, закрыв дверцу такси и крепко обхватив товарища.

Такси отъезжает.

«Пошли», — говорит первым вышедший из такси человек.

Он в военной форме, но без фуражки. Анатолий силится разглядеть, сколько звёзд у него на погонах, но не может.

«Пошли», — кивает бородатый. На нём старая, местами рваная куртка.

Анатолий присматривается к ним и не сразу, но узнаёт того, что в форме. Это опять тот самый человек, что встретился ему сегодня на перекрёстке и подсказал, как пройти к училищу.

А вот второй ему не знаком. Хотя, кажется, он уже видел эти глаза, этот взгляд...

Но лица не узнать. Сквозь густорастущие в беспорядке волосы видны только глаза.

Бородатый, опираясь на военного, ступает с трудом. Анатолий видит, что они заходят в постоянно открытые ворота ПТУ, что рядом с заброшенной пилорамой. Бородатый делает шаг по направлению к воротам здания, но военный тянет его вперёд.

«Там закрыто изнутри, надо вокруг...»

И они с трудом, с остановками, идут вокруг бывшей пилорамы к стадиону. Вот уже футбольное поле, вот груда кирпичей. Тот, что в форме, тянет бородатого вверх. Бородач пытается карабкаться, но сил у него почти нет. С большим трудом военный всё же затаскивает лохматого наверх.

«Смотри не зацепись у косяка за гвоздь! — предупреждает он. — А дальше давай сам иди-ползи. Мне туда нельзя...»

Военный настойчиво толкает бородатого в проём пилорамы, и тот, споткнувшись, закатывается туда кувырком, затем лежит некоторое время на полу, кричит и стонет.

«Ползи к шлему! — доносится сверху голос военного. — Ползи! Время уходит!»

«Не могу! — чуть не плачет бородатый. — Сил совсем нет...»

«Ползи, тебе говорю! — настойчиво и громко кричит военный. — Если бы не цель, то с твоим образом жизни ты бы уже лет пятнадцать, а то и двадцать лежал на кладбище. Ползи! Надевай шлем! Это твой шанс!»

«Не могу! Помоги мне...» — молит бородатый.

«Мне нельзя туда, ты же знаешь... Как мог, сюда тебя доволоку... Дальше сам!»

Бородатый пробует подтянуть колени к груди и привстать, но, едва приподнявшись, падает.

«Ползи!» — приказывает сверху военный.

Бородатый делает медленное движение вперёд, потом ещё одно. Вот его рука дотрагивается до ножки стула, стул падает, впереди стол и под ним шлем.

«Он даже сам подняться не может, как же шлем поднимет?» — думает Анатолий, с трепетом и волнением наблюдая мучения бородача на стекле самого шлема.

«Быстрее!» — слышится сверху отчётливо, и Анатолий, вздрогнув, осторожно оглядывается.

Ни справа, ни слева никого нет, и он переводит взгляд на экран, где бородатый уже подполз к столу и нащупал шлем. Вот он просунул пальцы под шлем и потянул его на себя. Шлем перевернулся. Бородатый вытянул его из-под стола, сделал движение вперёд и, изловчившись, сунул голову в лежавший на полу шлем.

Громкие голоса снова наполнили пилораму.

На стекле картинка с чёрно-белой сменяется на цветную. На ней снова он за две недели до своего пятнадцатилетия, со шлемом в руках. Рядом Купсольцев и Поздняков, чуть в стороне Пантелеев. Это уже было. Серёга Купсольцев — Очкарик — что-то оживлённо говорит, Поздняков кивает, а Пантелеев машет руками.

«На „Вторчермет“ нужно отнести его и деньги получить». Это же было! Повтор? Хотя нет...

Он держит шлем, на этот раз прижимая к груди с левой стороны, а в тот раз, ему запомнилось, шлем был у него справа, и Анатолий смотрел тогда на Позднякова, а сейчас что-то говорит Купсольцеву.

Голоса чёткие, звонкие, молодые, но Анатолий не вслушивается в смысл сказанного, он уже знает, что картинка должна смениться. И действительно, когда они убирают шлем в шкаф и уходят, на стекле-экране появляется пожилой человек с тросточкой, в дорогом пиджаке с воротником-стойкой — френче. На нём чёрная, под цвет френча, шляпа. Лицо гладко выбрито. Лоснится. Видимо, он пользуется хорошими кремами. Анатолию кажется, что он чувствует аромат французских духов или запах импортной туалетной воды, которыми оросил себя незнакомец, выходя на улицу. Но незнакомец ли он? И это лицо Анатолий видел, и точно видел не один раз.

Человек с тросточкой, во френче и шляпе останавливается возле белого здания, в котором Анатолий узнаёт гастроном. Человек смотрит вправо, прямо, потом влево и резко отступает в сторону, давая дорогу идущему прямо на него старичку, видимо, дачнику. На нём дорожная куртка, спортивная кепка, за плечами рюкзак.

«Простите, вы что-то ищете?» — спрашивает дачник.

«Да, мне ПТУ нужно», — отвечает лощёный незнакомец со знакомым Анатолию лицом.

«Сейчас вам влево нужно пойти, потом направо, дальше — прямо, а там увидите», — объясняет, жестикулируя руками, дачник. Лицо его укрупняется, и Анатолий узнаёт в нём своего утреннего собеседника, человека, указавшего дорогу водителю иномарки, и военного, сопровождавшего лохматого старика.

Анатолий осознаёт, что уже не удивляется этому, как не удивится и тому, что человек с тросточкой направится сейчас к пилораме. Его больше волнует вопрос: где он раньше видел всех их — вот этого франта, лохматого старика, водителя иномарки?

Смирившись с тем, что ему придётся досмотреть демонстрируемые шлемом для него кадры, Анатолий пододвигает к столу стул и, усевшись перед шлемом, продолжает смотреть.

Хотя что смотреть-то? Ему уже понятен сюжет этих кадров. Люди идут к пилораме, надевают шлем, и на экране появляются они, пэтэушники. Вот и этот лощёный гражданин подходит к груде кирпичей, озирается, смотрит, не видит ли кто, как он забирается в бывшую пилораму, потом забирается туда и надевает шлем. Не сразу: прежде чем взять его в руки, он протирает шлем носовым платком снаружи, достав из-под стола и поставив на стол, вытирает стёкла и протирает внутри, а потом надевает.

И снова балагурят счастливые пэтэушники, спорят о шлеме, убирают его в шкаф и уходят. А на стекле-экране — перрон вокзала, поезд. Из вагона сходит старичок с дорожной сумкой и сталкивается с человеком, бегущим к этому же поезду и этому же вагону. Они коротко объясняются, и Анатолий узнаёт в бегущем человека-проводника, указывающего приезжему дорогу к пилораме. Лицо идущего к ПТУ тоже кажется Анатолию очень знакомым, и он снова не может вспомнить, где видел его раньше. И этот человек приходит к пилораме и, надев шлем, исчезает куда-то, а сменившие его радостные и возбуждённые будущие сантехники опять прячут в шкаф шлем.

На стекле появляется новый персонаж — спасающийся от инфаркта пожилой мужчина в спортивном костюме. Он бежит по улице от вокзала и на перекрёстке встречается с ещё одним любителем бега, в котором Анатолий уже без труда узнаёт проводника, указывающего пожилому физкультурнику дорогу к профтехучилищу. И когда тот подбегает к пилораме и смотрит на часы, Анатолий неожиданно узнаёт его. Вернее, он догадывается, что человек, стремившийся в этот раз надеть шлем, который они когда-то нашли в этом здании, не кто иной, как он сам.

Когда эта мысль приходит ему в голову, он чуть не падает со стула, теряя равновесие, наклоняется к столу и хватается за сердце. Голова его едва не касается шлема, на котором обрывается кино, и Анатолий видит перед собой лишь мутное стекло.

Человек в тёмных очках, подъехавший к пилораме на иномарке, и лохматый седой оборванец, и лощёный франт, и физкультурник в спортивном костюме — все они похожи на него, Анатолия, и все они — это он, Анатолий, но не сегодняшний, а из будущего! Такой, каким он будет через тридцать лет! Но каким он будет? Первым? Вторым? Третьим?

И вдруг его осенило!

Вспышка озарения заставила его соскочить и начать ходить взад-вперёд.

Шлем...

Шлем, который они нашли здесь тридцать лет назад и который лежит вот сейчас на столе перед ним, не просто шлем. Это аппарат, прибор, машина, возвращающая в прошлое. Однажды он надел его и попал в систему, или в круговорот, или даже в программу, что заложена в этот шлем, и стал возвращаться в один и тот же день, в один и тот же год и жить заново. Он прожил жизнь человека с автомобилем-иномаркой, и жизнь лохматого оборванца, и пользующего до старости французской туалетной водой лощёного пижона, и старичка с дорожной сумкой, и бегящего по утрам человека, и, может быть, ещё какую-то. Ведь на стекле шлема мелькали ещё какие-то кадры, когда он чуть не упал. Каждые шестьдесят лет он, накануне своего семидесятилетия, приезжал, приходил, прибежал на эту пилораму, надевал шлем и становился пятнадцатилетним. Возвращался на шестьдесят лет назад и снова проживал жизнь, не помня о прошлой.

Вот это да! Сколько раз это было? Четыре? Пять? Шесть? И сколько тогда на самом деле ему лет? Триста? Четыреста? Это что-то нереальное!

Конечно, нереальное, если какой-то водолазный шлем, невесть откуда взявшийся на пилораме, обладает свойствами делать человека практически бессмертным.

Не таблетка, не эликсир, а вот этот шлем. Надел его — и вернулся на шестьдесят лет назад, и проживаешь шесть десятков лет снова, в одном и том же времени на рубеже двадцатого и двадцать первого веков, но каждый раз по-новому. И каждый раз, когда возвращаешься в здание пилорамы, видишь Пантелеева, Позднякова, Купсольцева...

Да, а как же они? Они тоже возвращаются? Не случайно, видимо, они оказались здесь в тот день и именно в такой компании. Хотя шлем тогда надевали он и Купсольцев.

Серёга Купсольцев...

Видимо, не случайно они встретились через тридцать лет. Очкарик, глядя на него, всё время улыбался...

Наверное, что-то знал.

«Да нет же! Если даже Купсольцев, как и я, надев шлем, возвращается в прошлое, он не помнит о прожитых жизнях. Я же не помнил... Или у него это проходит как-то по-другому? А что мне делать теперь? Я узнал эту тайну — и что дальше? И стоп, стоп, стоп! А прочему я оказался сейчас здесь? Если программа работает через каждые шестьдесят лет, то почему я приехал сюда не накануне семидесятилетия, а за две недели до срока пяти? Может, произошёл сбой, или программа меняется?»

Кто-то же ведь следит за работой шлема, он же может менять, усовершенствовать программу...»

От этой мысли Анатолию снова стало не по себе. Ему показалось, что кто-то сейчас глядит на него. Прямо или через телекамеру наблюдает за ним и ждёт: какое решение примет Анатолий?

«А может, и не ждёт, а сам принимает за меня решения: что мне делать? куда идти? А может, и мысли мои — не мои? Может, за меня тоже кто-то думает? И не я это такой догадливый, а этот мифический Он мне подсказывает и кино показывает? Но зачем? Зачем он привёл меня сюда сегодня? Для чего? Может, мне нужно было надеть шлем сегодня, и началась бы какая-то новая программа? Программа моей новой жизни? Но если бы было нужно надеть шлем, то я его бы надел. Он бы заставил. Но не заставил же... Почему?»

Анатолий остановился возле шлема. По стеклу-экрану снова промелькнула искра. На этот раз красноватая. Анатолий присмотрелся и прочёл:

«До возвращения 29 лет, 364 дня, 22 часа, 48 минут».

Через секунду цифра «восемь» сменилась на «семь». Отсчёт! Это отсчёт! Для него. Он понял, что через двадцать девять лет, триста шестьдесят четыре дня, двадцать два часа и сорок семь минут он должен быть снова здесь и надеть этот шлем!

Анатолий осторожно взял шлем и опустил его под стол. Придвинул к нему стул и пошёл к выходу. Перед тем как выйти, он остановился, вернулся, отодвинул стул, достал шлем и, подойдя к шкафу, открыл его. Цифры на стекле шлема горели красным. Последняя снова изменилась. На ней было уже сорок пять минут.

Положив шлем вниз, он прикрыл его халатом и, закрыв дверцу шкафа, решительно пошёл на выход. Но перед тем как выйти, снова остановился. Он подбежал к шкафу, откинул халат и... не увидел шлема!

Неожиданно обрушившийся на него страх, большой до ужаса, сковал ему руки и ноги. Он ясно чувствовал, ощущал всем телом, что его сейчас кто-то рассматривает. Ждёт, что же он, Анатолий, скованный страхом без двух недель сорокапятилетний мужчина, будет делать. Анатолий осторожно прикрыл дверцу шкафа, с трудом повернулся. Тёмное помещение бывшей пилорамы было пустым. И именно из этой пустоты исходил тот страх, что овладел им с неожиданной силой.

«Уходить, уходить, уходить...» — стучит в обоих висках.

Анатолий медленно сделал шаг по направлению к выходу, затем второй, третий и... вылетел на груду кирпичей, поморщился

от яркого солнечного света. На видимой отсюда части территории училища никого не было, пусто было и футбольное поле, и только вдаль, за ним, какой-то мужчина, чуть сгорбившись, шёл к проходу — дыре в заборе между училищем и школой-интернатом.

«Я когда выбегал сюда из пилорамы, по-моему, этот же мужик тоже шёл в ту же сторону. Может время остановилось или вернулось назад на несколько минут? Ещё только этого не хватало сегодня...»

Походка мужчины ему показалась знакомой.

«Может, это тот самый проводник, что указывает всем дорогу? Я сегодня ничему не удивлюсь...»

И Анатолий побежал. Побежал по высокой траве некошеного, некогда служившего для игры в футбол поля с вкопанными в него с двух сторон футбольными воротами.

Он догнал идущего впереди человека за территорией училища, когда тот выходил на дорогу.

— Простите! — крикнул ему Анатолий, протискиваясь через дыру в заборе.

Он не знал, что сейчас скажет мужчине, как объяснит, зачем он бежал за ним и зачем окликнул.

— Да, слушаю вас...

Пожилой мужчина, уже старик, стоял в полуметре от него. Он был похож и не похож на указывавшего ему утром дорогу того, кого он назвал проводником. Этот был явно старше, сгорбленный, на голове старая летняя, с дырочками, жёлтая шляпа, одет он в светло-коричневый, тоже не новый, пиджак, белую рубашку. Но глаза, взгляд этого человека были как у того проводника. Моложавый взгляд, бегающие, с лукавинкой, оценивающие его глаза.

— Вы знаете, извините... — замямлил было Анатолий, но старик неожиданно пришёл на помощь ему.

— Вы, наверное, раньше в этом ПТУ учились, а я когда-то работал тут мастером, — сказал, улыбнувшись, старик. — Здесь когда-то пилорама была в отдельном здании, сейчас заброшенном, я там учил ребят с циркулярной пилой обрабатывать, а когда пилораму перенесли в другое здание, то нового мастера прислали, а я ушёл. Давно это было, но некоторые ученики меня узнают и, как вы, останавливают...

— Да, я учился тут, но учился на слесаря-сантехника... А на пилораму к вам прибегал, когда ещё в первом классе учился...

— Ко мне часто люди заходили, — оживился ещё больше старик. — Циркулярка-то моя ревела на всю округу, вни-

мание многих привлекала. Ну, бывало, и ребяташки забегали местные. Им интересно было ещё и вагонетку покатать с опилками. А я позволял...

— Я тоже помогал опилки нагружать и вывозить...

Анатолий узнал его. Да, это был тот, уже тогда казавшимся старым, мастер. Было ему тогда где-то за сорок, около пятидесяти, а сейчас, наверное, уже под восемьдесят.

— Вы извините, я как вас увидел, так сразу детство своё вспомнил, и захотелось поговорить... — говорил, продолжая волноваться, Анатолий.

— А я уже почти никого не помню, — вздохнул старик. — Хотя меня, бывает, останавливают, здороваются, напоминают о себе. Вспоминаю иногда фамилии, если их отцов или дедов раньше знал...

— Меня вы навряд ли вспомните. У меня родителей давно нет, и сам я уже много лет в этом городе не живу. Тем более я у вас не учился...

— Спасибо, хоть вы меня помните, — старик опустил голову вниз, изображая поклон. — Удачного вам дня, хорошей дороги. Вы, наверное, проездом здесь?

— Да, через два часа поезд. Рад был вас видеть. Доброго здоровья вам и дожить до ста лет.

— Спасибо, спасибо, молодой человек, может, и доживу. Всякое в жизни случается... — кивнул старик, улыбнулся и махнул рукой. — Ну, идите, наверное, спешите, ещё по городу прогуляться вам, видимо, нужно...

— До свидания! — сказал Анатолий и, развернувшись, пошёл впереди старика вдоль забора ПТУ.

На повороте он оглянулся. Дед шёл не торопясь, чуть сторбившись.

«Да не похож он совсем на того, что встретился утром на перекрёстке, — подумал Анатолий. — Тот моложе... Хотя глаза такие же молодые. Ну и что, что молодые? Он, может, в душе молодой, живёт и мыслит как сорокалетний, вот и глаза кажутся молодыми. В них жизнь горит...»

Проходя по улице между территорией ПТУ и больницей, он снова оказался недалеко от здания бывшей пилорамы. Теперь она была справа от него за забором.

События, произошедшие с ним сегодня и закончившиеся несколько минут назад, быстрым калейдоскопом промелькнули перед глазами.

Было это всё с ним сегодня или нет? Всё, что происходило, запечатлелось в памяти, но теперь, когда он был не в здании пилорамы, а за ним, казалось нереальным.

Может, снова забраться вовнутрь? Да нет, нет. Нужно идти, скоро поезд.

Анатолий оглянулся. Старик-мастер выходил из-за поворота, но не свернул в его сторону, а, перейдя улицу, пошёл дальше.

Анатолий тоже пошёл дальше. Проходя мимо постоянно открытых ворот на территорию училища, он бросил взгляд на бывшую пилораму и прибавил шаг.

За последующие полчаса он прошёл мимо дома, в котором жил когда-то, заглянул во двор школы, где учился. Он надеялся, что встретит хоть кого-то из бывших знакомых ему людей и, может быть, узнает их, но, не встретив и не узнав никого, торопливо направился к вокзалу.

6.

Вагон дёрнулся и медленно покатился.

Анатолий открыл глаза. За окном уплывало, уходило в сторону здание вокзала.

Он был в купе поезда, отъезжающего от его родного города на запад. Как он понял, на Москву. В купе он был один и, по-видимому, сидя у окна, задремал.

В дверь постучались и тут же открыли.

Проводник в форме взял под козырёк фуражки.

— Прошу прощения, вам чай или кофе принести? — спросил он.

Проводник вагона был похож на того самого человека, что он встретил на перекрёстке улиц, когда шёл к училищу.

Значит, это правда?

Перед глазами всплыли одна за другой картины: вот он идёт мимо гастронома, вот возле училища, вот подходит к зданию бывшей пилорамы, вот заходит туда, вот держит шлем...

Значит, всё это действительно было, а не приснилось сейчас?

Когда он сел в этот поезд? Сейчас или...

А может, он и не выходил из вагона, а проезжает вокзал родного города по пути из Владивостока в Москву? Надо у кого-то узнать. Спросить проводника? А что спросить? Откуда и куда он едет? Это будет странным. У него есть же билет... Нужно посмотреть билет, тогда он поймёт, сходил ли он с поезда или едет из Владивостока, вернее, из Иркутска в Москву без

остановки. А был ли он в Иркутске? Что-то запутался совсем. Наверное, не выспался. Вот и задремал...

— Пассажир вот вышел, а стаканчик не сдал, — обрывает его размышления проводник, забирая со столика стакан в подстаканнике.

И когда он чуть наклоняется вперёд, Анатолий узнаёт в нём, в его движениях старика-мастера, что работал раньше на пилораме, за которым он бежал сегодня через футбольное поле.

— Ну что, молодой человек, чайку? — говорит проводник, уже присаживаясь напротив него.

«Да нет, этот совсем не похож ни на мужика с перекрёстка, ни на старика-мастера, — решает Анатолий. — Я просто переутомился. Надо действительно чаю горячего выпить».

— Один поедете до самого Красноярска, — продолжает говорить проводник вагона. — Никто к вам сюда в ближайшее время не подсядет. Можно хоть спать, хоть работать спокойно. Писать что-нибудь, например. Я сейчас вам чаю принесу.

Проводник встаёт, улыбается. Взгляд его молодой, прищур лукавый, глаза бегают.

«Было или не было?» — думает Анатолий, когда он уходит. В памяти всплывает шлем и красные цифры — отсчёт времени. Теперь перед глазами: «29 лет, 364 дня, 20 часов 34 минуты».

Анатолий поспешно достаёт из сумки новый блокнот, авторучку и пишет на новом листочке: «За тридцать лет до возвращения». Подумав, чуть ниже подписывает: «Фантастический рассказ», — но слово «фантастический» тут же зачёркивает.

— Ну вот, уже и работаете! Ну и правильно. Что время-то терять?

В купе входит проводник. Он ставит на столик стакан с чаем. Стакан в подстаканнике.

— Вот сахарок, — проводник кладёт рядом со стаканом два кубика в обёртке. — Работайте, не буду вам мешать.

— Спасибо, — говорит Анатолий и, глянув на его улыбающееся лицо, записывает в блокнот первое предложение:

«Лицо мужчины показалось ему знакомым».

Красноярск, 14 сентября 2022 — 7 августа 2023